

ЭДУАРД КУРОЧКИН

к 75-летию со дня рождения

УДК 75/76Курочкин(084.121)

ББК 85.14(2=411.2)6я61

Э27

Авторы составители:

Аркадий АГАПКИН

Николай КОТРЕЛЕВ

На обложке:

В. ПЯТНИЦКИЙ.

ПОРТРЕТ Э. КУРОЧКИНА.

Перв. пол.1960-х гг.

34 x 25. Картон, масло.

собрание Н. Котрелева.

Эдуард Курочкин: к 75-летию со дня рождения : каталог / [авт.-сост. А.И. Агапкин и Н.В. Котрелев ; фотографии А.Н. Лозового] ; Зверевский центр современного искусства. – Москва : ПРОБЕЛ-2000, 2013. – 64 с.: ил.

ISBN 978-5-98604-373-9

© Агапкин А.И., Котрелев Н.В., 2013

© ПРОБЕЛ-2000, 2013

СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПРОЗРЕНИЯ

Эдуард Курочкин всего лишь делает вид, что пишет картины.
На самом деле он создает порталы, ведущие в ирреальные миры

Не секрет, что в «тупиковые» исторические периоды, когда во взаимоотношениях общества и власти возникает потребность в «выяснении отношений» (что в России происходит с неизбежной регулярностью), среди знатоков и ценителей тут же вспыхивает интерес к искусству мистическому, символистскому, романтическому, декадентскому, визионерскому. Само собой, народ понимает, что ответы на ключевые вопросы, связанные с судьбой мироздания, следует искать не в учебниках по экономике. И тогда на поверхность всплывают имена, которые в сытые, гламурные годы принято отправлять в бездонные кладовые подсознания, где они пребывают в покое и безмятежности – до тех пор, пока очередная интеллектуальная «смута» не вынуждает склонную к перманентной рефлексии интеллигенцию в поисках ответов на мучительные вопросы обращать взоры к заветным первоисточникам. Так томлящиеся в неволе узники рано или поздно начинают просить близких присылать им не колбасу, а книги духовного содержания.

Расцвет мистического искусства в России приходится на серебряный век – с его экстатической жаждой неземного, запредельного, неограниченной свободы от власти материи. Мятежная, уставшая от диктатуры мещан и лавочников интеллигенция рвалась в царство гармонии, справедливости и всеобщего единения родственных душ – гедонистических соитий в астральных параллелях, бестелесного слияния

на меридианах космической литургии. Русский декаданс просто не мог не возникнуть – он стал естественной реакцией мыслящей аудитории на победоносную поступь материализма с его «православием-самодержавием-народностью». Ответ русской интеллигенции на цинизм, прагматизм и бездуховность власти оказался более чем продуктивным – завершившись мистерией реального жертвоприношения в мировом масштабе. Увы, победа оказалась пирровой. Ее плодами воспользовались тоталитарные силы, которые совершенно закономерно относились к малейшим намекам на духовную манифестацию как прямой угрозе своему существованию. Для строительства планетарной цитадели материализма требовались стерильные от любых поползновений к рефлексии и визионерству зомби.

К счастью, в основе человеческой природы лежит тенденция к периодическому пробуждению – в том числе к тому, что принято называть духовным возрождением. Иначе мы имели бы дело не с сообществом гомо сапиенс, а с необратимо деградировавшей и разложившейся биомассой.

Как всякое эпохальное явление, преобразившее окружающую реальность, цветущее многообразие серебряного века не могло бесследно раствориться в небытии. Несмотря на гонения, которым подверглось мистическое искусство при тоталитаризме, оно продолжает жить до сих пор – пусть в виде отдельных индивидуумов или крохотных групп единомышлен-

ников. К началу 60-х годов – легендарной хрущевской оттепели – все романтики, в том числе носители иррационального мироощущения, почувствовали себя в относительной безопасности для того, чтобы попытаться 1) негромко заявить о себе и 2) найти братьев по разуму.

Сегодня, когда история московского андеграундного романтизма полностью восстановлена (хотя и не написана), можно по крайней мере отыскать ту печку, от которой будет легко танцевать в сторону истины. Итак, к концу 50-х годов в Москве сформировалось сообщество из нескольких десятков художников-нонконформистов. Их объединяли три обстоятельства.

1. Они были вынуждены противостоять официальному и единственно разрешенному методу «социалистического реализма», пытаясь в процессе творчества отыскать альтернативный подход к искусству.

2. Все они были абсолютными идеалистами и бессребрениками – понятия не имея, сколько реально стоят их произведения, и как правило продавали шедевр за бутылку водки.

3. Все они работали в полнейшем информационном вакууме, отделенные от большой цивилизации железным занавесом, и вообще не подозревали, чем занимаются, какие открытия сделали и на каком уровне развития находятся их зарубежные коллеги. К чести отечественных авангардистов стоит отметить, что, даже не обладая знаниями о мировых трендах, они тем не менее шли нога в ногу с лучшими из лучших, ничуть не уступали в актуальности, а во многом даже работали на опережение.

Московский нонконформистский авангард – так называемое Другое Искусство – разделился на несколько направлений.

Одна часть гениев предпочла декоративность – и стала создавать изящные холсты-сувениры для украшения интерьеров тогдашней хрущевско-брежневской творческой и научной элиты (от музыкантов до физиков), а также работавших в Москве иностранцев (дипломатов и корреспондентов). Основатели так называемого *дипарта* наловчились бойко писать цветочки, собачек, пейзажи с маковками церквей, а также портреты на заказ.

Некоторые из смельчаков ударились в политический эпатаж. Создавали ернические, полные сарказма и иронии композиции на темы советской государственной символики и всячески обыгрывали приметы коммунистической повседневности.

Наконец была третья группа художников – собственно, о них сейчас речь – обладателей созерцательного, философского взгляда на жизнь. Окружающие и близкие сплошь и рядом считали их чудаками, людьми не от мира сего. Среди военного и послевоенного поколения таких «чокнутых» было особенно много. Война, нелегкий послевоенный быт, пребывание в плену или сталинских лагерях, прозябание в коммунальном аду, бедность, необходимость в поте лица добывать кусок хлеба подвигли прагматиков-материалистов на борьбу за существование любой ценой. В отличие от них не способные к расталкиванию локтями за кусок хлеба с маслом мечтатели-идеалисты были вынуждены уходить в себя, начинали мучительно размышлять «о высоком», с головой окунались в чтение умных книг или прислушивались к языку природы. Постепенно самые продвинутые пришли к выводу, что настоящую альтернативу «империи зла» следует искать не в суете сует социального протеста, а где-то гораздо

дальше, выше и глубже – в тайных глубинах собственного «я», за пределами материального космоса, в безбрежном океане духа. Сопоставляя свои озарения с земной повседневностью, многие мудрецы из поколения 60-х обнаружили, что чувствуют себя не слишком комфортно не только в советской системе координат, но и в подлунном мире в целом. Земное воплощение оказалось не самым удобным пристанищем в их путешествии по вечности. Именно из среды *чудиков* и вышли наиболее выдающиеся представители мистического искусства.

Сегодняшние эксперты выделяют художников-визионеров, начинавших свой творческий путь в 60-е годы, в отдельное сообщество. В числе первых имен называют Владимира Пятницкого, Эдуарда Курочкина, Кука (Николая Мануйлова), Александра Харитоновича, Бориса Свешникова, Владимира Ковенацкого, Бориса Козлова, Игоря Ворошилова. Каждому из них посчастливилось взвалить на свои плечи ответственную миссию Творца – создать, а главное – запечатлеть и наполнить мощной духовной пульсацией свою собственную альтернативную вселенную, которая стала для них, а также для поклонников их творчества надежным убежищем среди свинцовых мерзостей русской жизни.

Судьба Эдуарда Курочкина – обычна и характерна для представителя той немногочисленной части послевоенного поколения, которая вместо того, чтобы по примеру подавляющего большинства сверстников любой ценой постараться наверстать упущенное и «хорошо устроиться», предпочла рискованную романтику философских и эстетических экспериментов, превратив свою жизнь в иррационально-непредсказуемую, полную приключений езду в неизвестное.

В два года – в партизаны

– Я родился 20 апреля (своеобразная надо сказать дата) 1938 года, – рассказывает Эдуард Курочкин. – В старинном белорусском городе Рогачеве (согласно преданию, Рогачев старше Москвы на пять лет). Так случилось, что в возрасте двух с половиной лет попал в партизанский отряд, куда по заданию партии пошел мой отец – квалифицированный инженер-механик и широко образованный человек, хотя комму-

Отец художника – Степан Васильевич Курочкин (1912-1984).

нистом он не был. Мама – чистокровная полька, из шляхтичей Цихановичей. Отчетливо помню жизнь в партизанских землянках, в лесу. Отец проявил себя настоящим героем. Переодевался в немецкую форму, выполнял задания центра. В частности, устроился на нефтебазу. В 1942 году дождался момента, когда там скопилось три десятка немецких танков, и взорвал нефтебазу, уничтожив все машины вместе с экипажами. Однажды мы с отцом в лесу напоролась на немецкую облаву. В таких случаях оккупанты обычно не разбирались, кто партизан, а кто нет,

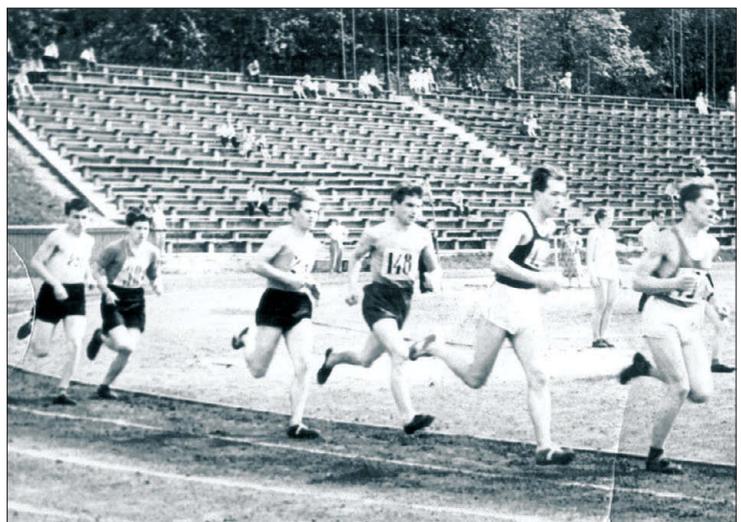

Мать художника – Рузалия Александровна Цеханович (1910-2006).

и просто расстреливали всех задержанных. Нас долго вели, подталкивая прикладами – в том числе и меня, маленького мальчика, на место расстрела. К счастью, нам повезло. В тот день партизаны не убили ни одного немца. А у тех был четкий приказ – расстреливать определенное число местных жителей только за каждого убитого немецкого солдата. Понятно, что любая инструкция для немцев – святое. Поэтому фрицам пришлось нас отпустить. Тем более, что они не подозревали, кто мы такие. Отцу снова удалось пробраться к партизанам. Вскоре мы дождались конца оккупации.

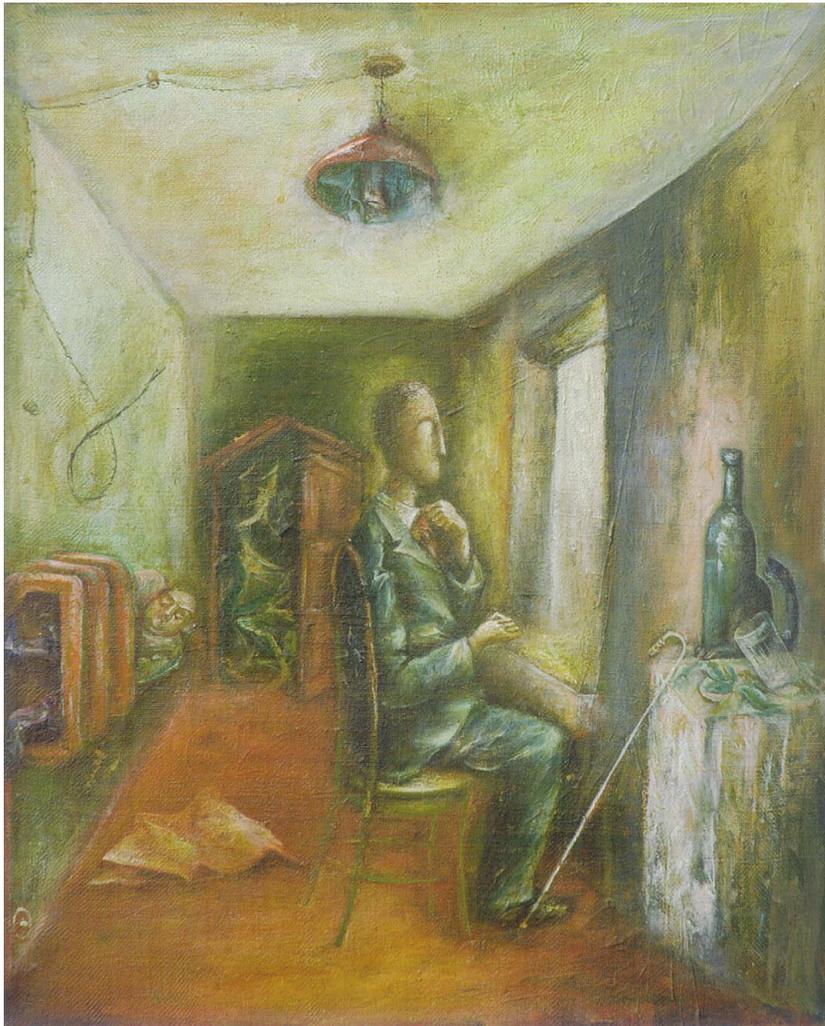
Пережитое не могло не сказаться на хрупкой психике ребенка. В школе меня считали «странным» – этакой белой вороной. Я интересовался вопросами, которые даже не возникали перед моими сверстниками. Десятый

класс окончил в 1955 году. Научился хорошо рисовать в академической манере – поскольку моя фантазия остро нуждалась в пространстве, куда я мог бы ее выплеснуть. Фигура художника была для меня олицетворением свободы, возможности вести себя не как все, не ходить каждый день на работу и вообще делать что хочется. В 17 лет поехал в Москву поступать в Художественно-промышленное училище имени Калинина. Оно до сих пор расположено там, где и тогда – возле Миусского кладбища. Из него вышло немало замечательных художников. Учился на отделении скульптуры. Жил в общежитии в Малаховке. До сих пор сохранилась грамота за первое место в кроссе на полтора километра на первенство ЦСО «Спартак». Показал фантастический результат. Пробежал дистанцию аж за четыре минуты. По тем временам почти мировой рекорд. Недаром отец в свое время выстроил во дворе три турника разного размера – для меня, двух братьев и себя. Мы на них крутили солнце. Отец был крепким, спортивным человеком. Заставлял нас обтираться снегом, закаливал. Сделал из меня неплохого боксера и лыжника.

Третий справа Э. Курочкин.

ЖИВОПИСЬ

1. ОКНО. 1972.
60 x 50. Холст, масло.

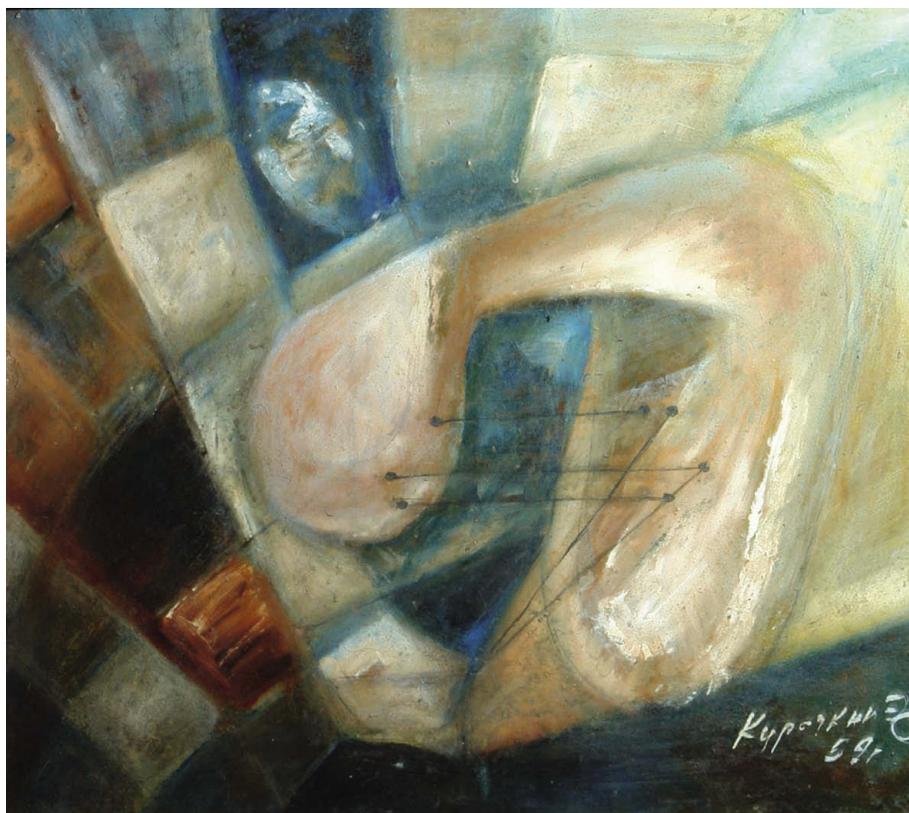
2. В ОКРЕСТНОСТЯХ СОДОМА. 1959.
60 x 75. Холст, масло.

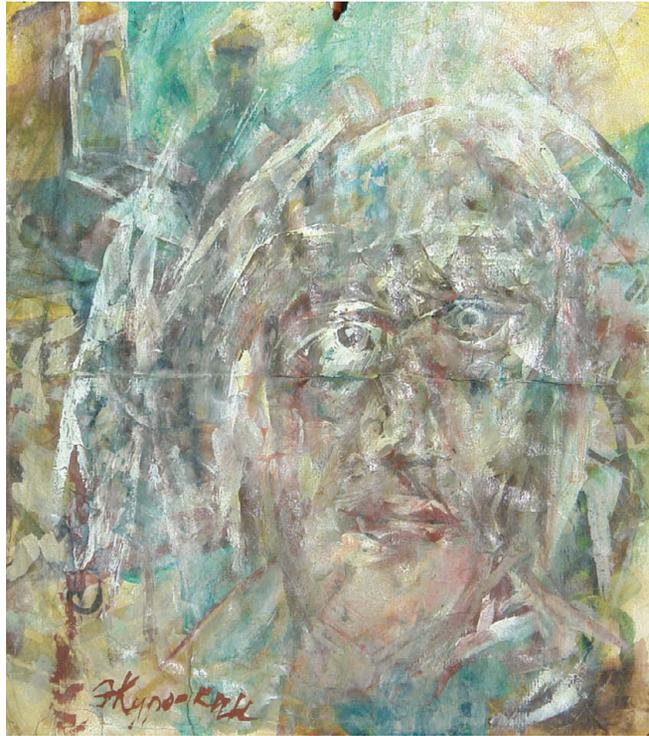
3. ФАНТАЗИИ (ДЕВУШКИ И ВСАДНИК). 1961.
43x56. Оргалит, масло.

4. ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ. 1961.
39 x 25. Оргалит, масло,

5. КОМПОЗИЦИЯ С НИТКАМИ. 1959.
52 x 58. Оргалит, масло.

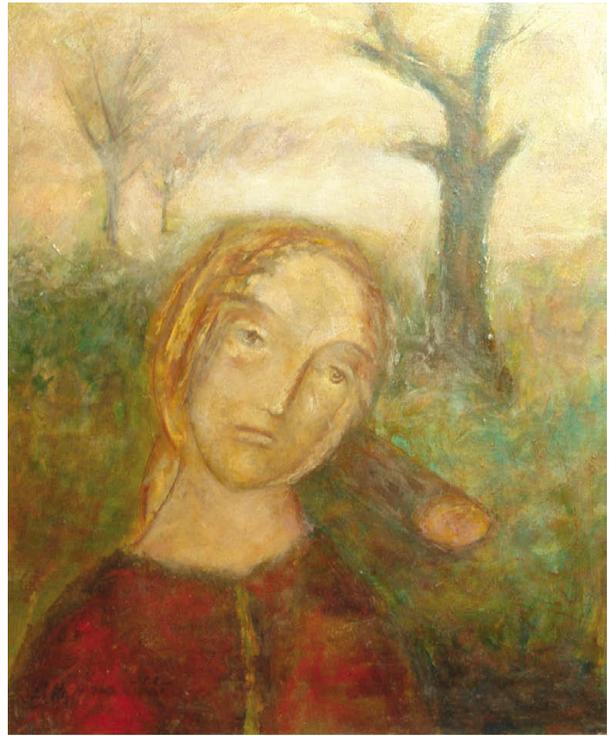
6. СТАРИК. 1961.
33,5 x 29. Бумага, масло.

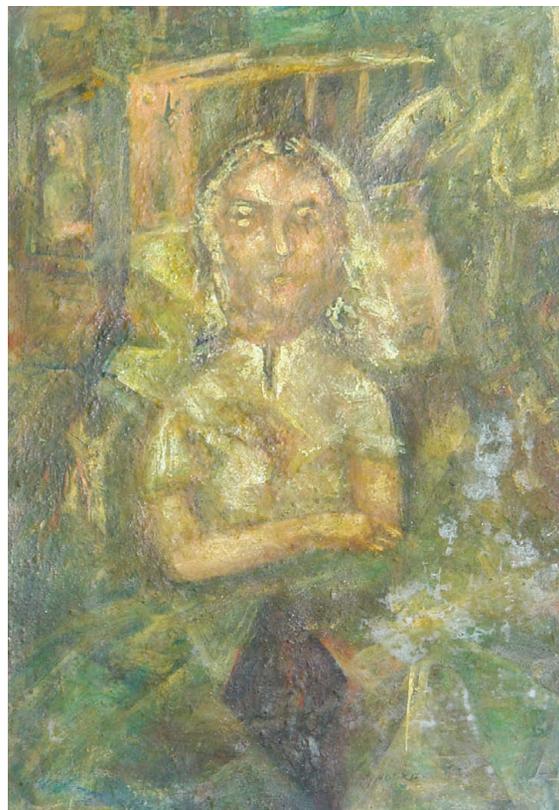
7. НАТУРАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ. 1961.
60 x 49,5. Фанера, темпера.

8. БЕЛЫЙ ПОРТРЕТ. 1961.
60 x 50. Фанера, темпера.

9. ТАНЯ У СПИЛЕННОГО ДЕРЕВА. 1961.
60 x 49,5. Фанера, масло.

10. СИДЯЩАЯ. 1961.
41 x 29. Фанера, масло.

11. БЕЛЫЕ НОЧИ. 1965.
80 x 90. Холст, масло.